

ДВА ИЗМЕРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ВЛАСТИ

Данная статья посвящена анализу изучения положения языка в современных политических процессах. Рассматривается специфика исследования языка с позиций инструмента и объекта политической власти. В работе раскрываются сущностные составляющие, фигурирующие в указанных аспектах изучения, включая языковую политику и планирование, политический дискурс, прецедентные феномены.

Ключевые слова: статус языка, корпус языка, языковое планирование, языковая политика, прецедентные феномены, политический дискурс, политическая коммуникация.

Язык и политика неразрывно связаны между собой. Язык в политическом аспекте может быть рассмотрен в двух измерениях соотношения с властью, первое из которых – язык в качестве политического инструмента; второе – язык в качестве политического объекта.

Использование языка в политических процессах представляет собой мощный ресурс власти. Стратегии вовлечения языковых возможностей во внутривластные и внешнеполитические процессы представляют собой результат целенаправленного выбора политической элиты, обусловленного сложившимися историческими процессами и тенденциями в совокупности с языковой ситуацией, и в большинстве случаев носят долгосрочный институционализированный характер. Необходимо учитывать, что языковая идентификация – это и этническая, культурная, региональная и часто мировоззренческая принадлежность людей.

Для анализа взаимосвязи языка и политики вообще, и в конкретном регионе в частности, необходимо иметь в виду характеристики процессов и понятий, апеллирующих к языковому управлению,

а также культурные, экономические и иные экстралингвистические факторы исследуемого ареала.

Необходимо понимать, что язык каждой страны на современном этапе динамично развивается в соответствии с непрекращающимися социальными и политическими изменениями. Не всякие изменения внутри социума влекут за собой языковое развитие, однако взаимосвязь языка с обществом является стимулом языковых изменений и предпосылкой функционирования языка¹.

Таким образом, язык представляет собой явление, тесно связанное с социальными условиями его существования. Язык как отражение социальной практики был представлен еще в модели Ю. Хабермаса. В своей работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» он подчеркивает, что изменения в экономике, политике и культуре оказывают прямое влияние на язык, превращая его в посредника между социумом и автономным существованием человека².

Именно посредническая, а не чисто коммуникативная, функция языка детерминирует языковую политизацию, или, другими словами, сознательное регулирование его развития и регламентацию употребления³. Данная особенность прежде всего имеет отношение к исследованию языка *в качестве политического объекта*.

В указанной перспективе необходимо отметить многообразие подходов к решению вопроса определения понятий «языковая политика» и «языковое планирование», фигурирующих при установлении субъектно-объектной связи между языком и властью, и обратить особое внимание на трактовку данных терминов.

Важно понимать, что объектом языковой политики может выступать статус языка, либо корпус языка.

Под языковым статусом подразумевается: положение языка в данном государстве по сравнению с другими языками этого же государства; роль языка на международной арене по сравнению с остальными, также действующими на ней. Под корпусом языка подразумеваются его внутренние составляющие (лексика, орфография, фонетика, терминология), а также различные формы (письменная, диалекты, литературный язык). Различают, соответственно, статусную – экстралингвистическую, и корпусную – интралингвистическую, языковые политики. Таким образом, языковая политика в отличие от языковой политизации представляет собой комплекс политических мер, ориентированных на преобразование корпуса/статуса языка.

Российский лингвист С.Н. Кузнецов отмечает, что противопоставление указанных понятий является традиционным в теории

языковой политики⁴. Однако характеристика термина «языковое планирование» в современной социолингвистике отличается достаточной размытостью.

Термин «языковое планирование» впервые был употреблен американским лингвистом У. Вайнрайхом, однако определение было обозначено норвежским лингвистом Э. Хаугеном в 1959 г. Ученый в своей работе «Лингвистика и языковое планирование» дает широкое определение указанного термина, с его точки зрения реализация решений по вопросу языкового планирования зависит от выбора носителей языка и ориентирована на изменения языка в нужном для них направлении⁵. При этом в зарубежной лингвистике в ходе становления понятия объектом выступал как корпус (Э. Хауген), так и статус языка (Х. Клосс). Р. Купером было предложено выделить в качестве объекта языкового планирования также овладение языком.

Можно сказать, что в зарубежной, в особенности американской социолингвистике, языковое планирование обозначено как сознательное воздействие властных структур, групп или организаций на язык (в основном на официальные языковые стили письменной формы). Целью является оказание влияния на других лиц через используемый ими язык, но реализация решений зависит от носителей языка⁶. В трудах отечественных ученых альтернативой указанному термину выступает «языковое строительство», включающее в себя прежде всего укрепление коммуникативных функций конкретных языков.

Термин «языковая политика» принадлежит авторству американского социолингвиста Дж. Фишмана (1970), однако он не представил существенных различий от понятия языкового планирования. Э. Хауген позднее обозначил языковое планирование как вид языковой политики⁷. В целом можно выделить несколько подходов к определению соотношения между двумя понятиями, исходя из анализа теорий, существующих в рамках зарубежной и отечественной социолингвистики. Первый – языковая политика как часть языкового планирования (Д. Кристалл, Р. Каплан, М.И. Исаев); второй – языковое планирование как часть языковой политики (Э. Хауген, Л.П. Никольский); третий – языковое планирование как практическая реализация языковой политики (Г. Шифман, Г. Фергюсон, Р. Бугарски); четвертый – языковая политика как практическая реализация языкового планирования (М. Феттс). Резюмируя многообразие подходов, стоит отметить, что главной целью исследователей в области языковой политики и языкового планирования выступает «построение теории воздействия обще-

ства на язык», при этом термин языковое планирование более нейтрален⁸. В зарубежной научной традиции чаще употребляют термин «языковое планирование», в отечественной же лингвистике шире используется термин «языковая политика». При этом и теми и другими исследователями признается существование определенных идеологических установок и целей, которые детерминируют функционирование языка в обществе и воздействие на различные его аспекты, а также практические меры для реализации этого воздействия. Стоит также отметить, что в последнее время в зарубежной социолингвистике широко употребим многочлен «языковая политика и планирование» (LPP – Language policy and planning).

Обратимся к следующему аспекту изучения отношений между языком и властью, необходимому для данного исследования, – *язык как инструмент власти*.

В широком смысле источником исследования при изучении особенностей языка в указанной перспективе выступает политическая коммуникация. Характерной чертой политической коммуникации любого жанра является тщательный отбор лексических средств при описании тех или иных явлений в целях создания необходимого образа, формирования стереотипа.

Под политической коммуникацией вообще подразумевают речевую деятельность, направленную на распространение различных идей, эмоциональное воздействие на граждан государства и побуждение их к политическим действиям, для выработки согласия в обществе, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе⁹. Основной ее функцией является оказание влияния на распределение и использование власти благодаря воздействию на сознание принимающих политические решения людей.

Тексты политической коммуникации всегда насыщены особыми выразительными средствами, будь то метафоры, эпитеты, идеологемы, прецедентные высказывания и цитаты. В связи с этим становится очевидной необходимость изучения тех самых выразительных средств, в которых заключены культурные особенности и представления о мире.

Одним из основных терминов, используемых при анализе политической коммуникации является понятие дискурса. Однозначного определения дискурса, охватывающего все сферы его применения не существует. Представляется, что дискурс включает в себя не только непосредственно текст и речевую деятельность, но и социальный контекст коммуникации. Согласно наиболее распространенному определению этого понятия дискурс – связанная

речь в совокупности с лингвистическими обстоятельствами ее протекания, речь во взаимосвязи с живой жизнью: ее событийным контекстом, социокультурными, прагматическими, психологическими характеристиками говорящих. Текст является результатом этого процесса¹⁰. В связи со сложностью этого явления заслуживают внимания и ряд других определений, предлагаемых специалистами. Так, Т.А. ван Дейк определяет дискурс, как многосторонний комплекс языковой формы, значения и действия, который можно охарактеризовать термином «коммуникативное событие»¹¹. С точки зрения Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для интерпретации текста¹².

Таким образом, исследование политического дискурса представляет собой анализ текста в контексте воздействия на него ряда социальных, языковых, экономических, культурологических и иных факторов. Политический дискурс, в свою очередь, выступает как разновидность институционального общения и в то же время переплетается с чертами художественного, публицистического, массмедийного дискурсов.

Метафоричность выступает одной из ключевых особенностей политического дискурса. В современной политической коммуникации широко распространено использование одного понятия для обозначения совсем иного, что позволяет провести параллели между соответствующими явлениями, событиями, взглядами, деятельностью политических субъектов. С помощью подобного приема можно апеллировать к сознанию адресата, оказывая на него определенное воздействие. Для обозначения подобного словоупотребления используются такой термин, как «прецедентный феномен» (прецедентный культурный знак). Однако прецедентный феномен – это не просто инструмент речевого воздействия, а сложное явление, включающее в себя ряд культурных и исторических компонентов.

Под прецедентными феноменами понимается особая группа вербальных или вербализируемых феноменов, которые, в большинстве своем, так или иначе известны любому члену лингвокультурного сообщества. Другими словами, это либо непосредственно укоренившиеся в языковом сознании носителя образы, обладающие историческими и культурными корнями, либо отсылка к тем или иным событиям и памятникам культуры, содержащим эти образы. Очевидно, что при интерпретации внутривнутриполитических отношений необходимо представлять, в виде каких категорий классифицируют и оценивают мир носители данного языка.

Многие исследователи сходятся во мнении о том, что прецедентные феномены являются частью языкового сознания. Так, В.В. Красных пишет о том, что национально-культурный компонент формирует национальную специфику, отражающуюся в лингвистических и ментальных особенностях представителей того или иного лингвокультурного сообщества. Другими словами, обуславливает характерные черты национального (языкового) сознания, отражает особенности модели сознания, проявляющиеся в коммуникации¹³. А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов определяют прецеденты как текст, сохраняющийся в сознании носителя языка данной языковой общности, представляющий факт культуры в широком понимании и презентующий некоторую ситуацию¹⁴.

Говоря о взаимосвязи всех прецедентных феноменов между собой, специалисты отмечают, что употребление прецедента предполагает активацию в сознании адресата более широкого контекста знаний, на пересечении которых находится упомянутый прецедент. Таким образом, прецедент это целая обобщенная ассоциация, укладывающаяся в одно выражение.

Необходимо отметить, что в тесной связи с категорией прецедентных феноменов употребляют такие понятия, как историческая (политическая, литературная) метафора и интертекст. Термин «интертекстуальность» используется для обозначения особенности текстов, характерной чертой которых является формирование собственного смысла через ссылки на ряд других текстов. Этот феномен в настоящее время выступает как особенность существования современной массовой культуры, средств массовой коммуникации. Феномен интертекстуальности связан с выявлением национально-культурной специфики коммуникации с помощью анализа составляющих общенациональной части в сознании взаимодействующих субъектов.

Различие названий, как правило, обусловлено научной парадигмой, в которой фигурирует данное явление, но объединяющим признаком является использование соответствующей единицы как своего рода культурного знака, связывающего различные эпохи, пространства, тексты и события.

Кроме того, стоит отметить, что специалисты относят к прецедентным феноменам также и названия государственных планов, программ, конференций, мероприятий официального характера.

Исследователи полагают, что к прецедентным феноменам могут быть причислены феномены, которые хорошо известны представителям конкретного лингвокультурного сообщества (обладающие сверхличностным характером); актуальны в когнитивном

(познавательном и эмоциональном) плане; обращение (апелляция) к которым регулярно встречается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества¹⁵. К числу прецедентных феноменов относят цитаты из письменных и устных произведений различного характера, пословицы, поговорки и фразеологизмы. Также к прецедентным феноменам ученые относят значимые явления разного рода, которыми могут быть имена различных личностей, события и явления, обладающие общемировым или общенациональным характером и др.

Ключевыми характеристиками прецедентных феноменов являются их способность выполнять роль эталона культуры; функционировать как свернутая метафора; а также выступать как символ какого-либо феномена или ситуации¹⁶.

Необходимо отметить, что абсолютное большинство прецедентных феноменов не относится к числу хорошо известных во всем мире, а наоборот, – к довольно узкому лингвокультурному ареалу. Метафорическое представление сущности политической власти в каждой конкретной культуре имеет свою собственную сферу-источник, что делает особенно интересным исследование неодинаковых смыслов, которые они отражают в политической коммуникации, в зависимости от изучаемого региона. Отдельное высказывание является непродолжительным явлением, в то время как его повторение фиксирует черты языка, остающиеся неизменными на протяжении долгого периода времени. Следовательно, современная политическая коммуникация любой страны характеризуется использованием метафор и символов, имеющих отношение к далекому прошлому. Чем богаче культурная и историческая традиция страны, тем сложнее понимание смысла, стоящего за прецедентными феноменами¹⁷. Помимо того, смена политической ситуации в стране также неизменно ведет к обновлению лексического материала, пополняя список традиционных прецедентных феноменов их новыми интерпретациями.

Основными науками, занимающимися изучением языковых средств, используемых в политике, на современном этапе являются политическая лингвистика и метафорология. В процессе взаимодействия этих тесно связанных между собой направлений возникает теория политической метафоры, которая рассматривает политическую метафору как инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на социальное сознание¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в соответствии с выбранным аспектом изучения соотношения власти и языка, де-

терминирован контекст исследования данной проблематики. Так, в случае обращения к языку как к политическому инструменту, актуализируется сфера оказания влияния средствами языка на распределение и использование власти благодаря воздействию на сознание принимающих политические решения людей, что также можно назвать «языковым манипулированием». Терминологическое поле указанного аспекта может включать в себя такие понятия, как «политическая коммуникация»; «дискурс»; «прецедентные феномены»; «интертекст» и др. В случае рассмотрения языка в качестве политического объекта подразумевается политика, проводимая в отношении языка непосредственно. Терминологически определяется рядом таких понятий, как «языковая политика», «языковое планирование», «языковое строительство», а также «статус языка», «корпус языка».

Изучение языковой политики, какой бы аспект ни был выбран, являет собой пример междисциплинарных исследований, особенно актуальных в условиях многополярного современного мира. Необходимость многопланового рассмотрения ее основных характеристик задействует ресурсы различных дисциплин, включающих в себя не только политические и языковые, но и юридические, исторические, экономические, антропологические и культурные. Важно отметить, что изучение языка как составляющей политической коммуникации в рамках политической лингвистики и дискурс-анализа, как и определение механизмов функционирования языка в рамках социолингвистики являются одним из новых направлений в мировой практике исследований, получивших свое распространение только с конца XX в.

Примечания

- ¹ См.: *Наумов В.В.* Государство и язык: формулы власти и безвластия. М., 2010. С. 9.
- ² *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 56.
- ³ См.: *Кобенко Ю.В.* Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2010. № 1. С. 3.
- ⁴ См.: *Кузнецов С.Н.* Модели языковой политики в русскоязычном обществе // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 13–16 марта 2001 г. М.: МГУ, 2001. С. 308.
- ⁵ См.: *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. М., 1975. С. 453.

- ⁶ См.: *Гришаева Е.Б.* Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2007.
- ⁷ См.: *Хауген Э.* Указ. соч. С. 461.
- ⁸ См.: *Гришаева Е.Б.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. С. 6.
- ¹⁰ См.: *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010. С. 92.
- ¹¹ *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 46.
- ¹² См.: *Чудинов А.П.* Указ. соч. С. 41.
- ¹³ См.: *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 154.
- ¹⁴ См.: *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. М., 1986. С. 28.
- ¹⁵ См.: *Красных В.В.* [и др.]. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 64.
- ¹⁶ См.: *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания как объект лингво-когнитивного анализа. М., 1999. С. 145.
- ¹⁷ См.: *Su Lily I-wen.* What can Metaphors Tell us about Culture? // Language and Linguistics. 2002. Vol. 3. № 3. P. 593.
- ¹⁸ См.: *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации. М., 2008. С. 5.